

УДК 811.511.131'0:398(=511.131):39(470.51)(045)

Кельмаков Валей Кельмакович
г. Ижевск, ФГБОУ ВО «УдГУ»
finnugor@mail.ru

*Светлой памяти известного коми
языковеда В.А. Ляшева, страстного лю-
бителя песен, умелого аккомпаниатора
на своей гармошке не только коми и рус-
ских, но и порою удмуртских народных,
ПОСВЯЩАЮ.*

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ НЕПОНЯТНОГО ВЫРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ОДНОЙ ИЗ КОРОТКИХ ПЕСЕН ПЕРИФЕРИЙНО-ЮЖНЫХ УДМУРТОВ

Аннотация. В ряде четырехстрочных песен казанских, уфимских и оренбургских удмуртов – как в начальном их двустишии, так и заключительном – встречаются не понятные для современных исполнителей и читателей выражения, которые поддаются расшифровке лишь с учетом некоторых этнографических реалий, уже ушедших из нынешней жизни. Так, к примеру, выражение – как выясняется, из свадебной песни: *Шыңыл піосыд лыг ой карысал Вьлазы ужйос усемдыр.* 'Не бойки были бы Шунбашские молодцы, у нихь есть свое важное д'фло' – становится понятным лишь с учетом того обычая, что свадебные песни исполнялись казанскими (конкретно в данном случае кукморскими) удмуртами «обычно стоя и притопывая на сильную долю такта попеременно каждой ногой».

Ключевые слова: короткие песни, кукморские удмурты, свадебная мелодия, притопывание ногой.

0. Специфика коротких песен казанских (совр. кукморских и шошминских), оренбургских (совр. бавлинских) и уфимских (совр. татышлинских, закамских и др.) удмуртов заключается в том, что они (короткие песни) состоят, как правило, из четырех строк, в начальном двустишии которых содержатся преимущественно картина природы или иногда бытовая зарисовка из патриархальной жизни удмуртов, в двух заключительных строчках – переживания,

[Кукиед кытын но, ай, сильылоз?	’Кукушка где да, ай, будет куковать?
Жокыт гынэ сүрдлэн но шорьёсаз.	Среди только густого да леса.
Уг мбзмы шуод но, ай, – мбзмылод	Скажешь, что не скучаешь да, ай, – заскучаешь
Шулдыр гужэмедлэн но шорьёсаз.]	Посреди веселого да лета’.
(Нуриева 2018: 88, 89)	

При необходимости продолжительного исполнения какого-либо песенного напева (застольного, рекрутского, семицкого, пасхального, свадебного, проводов невесты и др.) ситуативно нанизывается друг за другом ряд близких по содержанию четверостиший, которые, подобно частушкам, не имеют постоянно закрепленных за ними мелодий.

Абсолютное большинство этих песенных текстов с отчетливо выраженным параллелизмом обладает некоторыми особенностями довольно развитого народного стиха: 1) своеобразной ритмикой, нередко нарушаемой за счет различного типа вставочных звуков и слогов при песенном исполнении текста в зависимости от характера мелодии (см. 2-ю и 3-ю песни); 2) разделяющей каждую строчку на две – зачастую неравные по длине – части цезурой¹ (в данном случае обозначенной вертикальной чертой); 3) рифмовкой, нередко выражаемой повторением одинаковых слов или их форм, в определенной степени напоминающих редиф² в персидской, арабской и тюркской поэзии.

Некоторые из этих четверостиший, возникших довольно давно (самые ранние из них – предположительно в период жизни южных удмуртов в составе Казанского ханства (об этом в другом месте) и относительно устойчиво сохранившиеся вплоть до наших дней, содержат как в начальном их двустишии, так и в заключительном не совсем понятные для сегодняшних пользователей (собирателей, исполнителей и читателей) специфичные слова и выражения, которые поддаются расшифровке лишь с учетом некоторых этнографических реалий, известных нам преимущественно по трудам

¹ «Цезура – постоянный словораздел в стихе» (Словарь лит. терм. 1974: 455).

² «Редиф <...> – повторение слова (иногда двух или трех) после рифмы в конце каждой строки» в тюркской (узбекской, уйгурской, туркменской и др.) классической и современной поэзии (Словарь лит. терм. 1974: 319); см. также: (Стеблева 2012: 21).

этнографов или по оставшимся следам, сохранившимся в быту, языке и народной поэзии некоторых весьма архаичных этнографических групп южных удмуртов; или путем этимологизации отдельных слов и их сочетаний.

Проследим это на примере одного четверостишия из фольклорно-диалектолого-этнографического сборника Б.Г. Гаврилова (1880).

1. Так, вчитываясь в оригинальный текст песни (№ 201) казанских удмуртов, опубликованной Б. Гавриловым в его книге «Произведения народной словесности, обряды и повѣрїя вотяковъ Казанской и Вятской губерній», и – в особенности – ее перевод на русский язык издателем:

<i>Ма ужало Шыпыл піосыд?</i>	‘Что дѣлають Шунбашскіе молодцы? –
<i>Жыг каро Шыпыл піосыд;</i>	Бойко живутъ Шунбашскіе молодцы.
<i>Шыпыл піосыд жыг ой карысал</i>	Не бойки были бы Шунбашскіе
<i>Вылазы ужйос усемдыр.</i>	молодцы, у нихъ есть свое важное дѣло’.

(Гавриловъ 1880: 35/100) –

у современного читателя может возникнуть впечатление, будто бы речь в ней идет о неких “бойко живущихъ” “молодцахъ” из деревни Шунбаш (совр. Верхняя Шунь Кукморского района Республики Татарстан, удм. *Шы(н)ныыл*), которые якобы имеют, выражаясь сегодняшним языком, какой-то собственный бизнес – «свое важное дѣло». Какое же, однако?

2. Речь по существу может идти о том, что Б. Гаврилов при записи этого текста, по всей видимости, забыл (или не счел необходимым) уточнить у исполнителей (информантов) смысловой характер данного четверостишия, что это отнюдь не “производственная” песня, а попросту свадебная, которая исполняется в специфической манере под такт топания попеременно то правой ногой, то левой путем перемещения центра тяжести тела с одной ноги на другую. Вот как описывает такое исполнение современный исследователь-музыковед И.М. Нуриева:

«В отличие от южной свадебной традиции с характерной строгой дифференциацией свадебных напевов (в доме невесты родственники жениха исполняют песни рода жениха – *сюан гур*, в доме жениха – рода невесты – *бӧрысь гур*) в Кукморском районе существует один типовой свадебный напев. Его поют

во время свадьбы в доме невесты родственники жениха, обычно **стоя и притопывая на сильную долю такта попеременно каждой ногой**» (Нуриева 1995: 11)¹.

Более того, этнограф Б. Гаврилов почему-то не обратил внимания на такой характер исполнения свадебной песни кукморскими удмуртами и в своей солидной (с. 80–156) работе «Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода», хотя неоднократно обращает своё внимание на исполнение ими свадебной песни, приводя даже несколько из их образцов (некоторые, правда, со множеством языковых ошибок – ниже представлено четверостишие из работы Б. Гаврилова (левый столбик) и откорректированный мною вариант его (правый столбик), напр.:

“Потомъ сватуны встаетъ съ мѣста и **начинаетъ пѣть** :

<i>чалэ люкаскыса пыржалом, айгай,</i>	[чалэ люкаскыса кыржалом, айгай,
<i>нягэжэз пи тайос мед муозы, айгай;</i>	жажег пи тайос мед шуозы , айгай;
<i>та күйосмы кэдымозкэ, айгай,</i>	та күййосмы кельшоз ке, айгай,
<i>ог туган тайос мед шуозы, айгай,</i>	ог туган тайос мед шуозы, айгай.]

т. е. давайте собравшись пѣть, айгай; пусть скажутъ: это гусята (шумять), айгай; если эти напѣвы наши будут согласны, айгай, пусть скажутъ: это родные (собств. родившіеся отъ однихъ родителей), айгай` (Гавриловъ 1891: 133).

3. Приведу еще ряд отрывков из этой же работы Б. Гаврилова, сохранив при этом графику, орфографию и пунктуацию оригинала:

«Молодушка въ это время бываетъ у кого нибудь изъ сосѣдей. Старшій дружка съ нѣкоторыми другими поѣзжанами берутъ въ руки хлѣбъ съ масломъ и **съ пѣснями** отправляются къ сосѣду, чтобы привести молодушку домой. Пришедши туда, хлѣбъ съ масломъ ставятъ на столъ, потомъ опять берутъ въ руки и молятся Богу. По молитвѣ, рѣжутъ ломоть хлѣба и, намазавъ на него толстый слой масла, несутъ къ молодушкѣ<...> и, подавая ей ломоть, **поютъ**<...>» (Гавриловъ 1891: 133). «Къ обѣду всѣ поѣзжане возвращаются въ домъ отца невесты, гдѣ, поднеся свату стаканъ водки, становятся передъ нимъ на колѣни и **поютъ**<...>»:

¹ Свадебную же мелодию «приглушенно» без притопов исполняли кукморские удмурты лишь во время поминального обряда *йыр-пыд сѣтон* (Нуриева 1995: 11).

<i>Қузон но сүрэс тати-а? айгай!</i>	’Здѣсь ли дорога в Казань? [айгай!]
<i>Милям сәсқамы татын-а? айгай!</i>	Здѣсь ли наш цвѣтокъ? [айгай!]
<i>Милям сәсқамы татын-а? айгай!</i>	Здѣсь ли цвѣтокъ нашъ? [айгай!]
<i>Сәсқа охсана (с: ? лисана) јам</i>	Безъ цвѣтка нѣтъ веселья (собств.
<i>өвөл, айгай!</i>	<i>јам – красота) [айгай!]</i> ’.

(Гавриловъ 1891: 133)

И далее:

«При этомъ поется не исключительно одна эта пѣсня, а можетъ быть заменена какою нибудь другою, подходящей, по мнѣнію поѣзжан, къ настоящему случаю. Въ другихъ вышеупомянутыхъ случаяхъ, пѣсни поются исключительно тѣ, какія приведены здѣсь. **Послѣ пѣсни** гости садятся пить чай. **Послѣ чаю** начинаютъ **пировать с пѣснями**, такъ пируютъ до вечера. Ходятъ по сосѣдямъ изъ дома въ домъ и тоже пируютъ. Вечеромъ возвращаются опять къ свату, гдѣ молодушка раздаетъ всѣмъ подарки<...> **Послѣ** раздачи подарковъ всѣ поѣзжане **вмѣстѣ поють разныя пѣсни**». Затемъ совершаютъ обрядъ «*выж-улэ пырон*, т. е. вхожденіе въ подполье. **Послѣ** этого **начинають пѣть пѣсни** и всѣ идутъ къ сосѣдямъ, звавшимъ ихъ, ночевать. На другой день утромъ возвращаются къ свату, гдѣ пьютъ чай, обѣдаютъ и опять **принимаются за пѣсни**. **Послѣ** обеда опять ходятъ, пируя, изъ дома въ домъ<...>» (Гавриловъ 1891: 134), [не прерывая, разумеется, **своего пения**... При этомъ, если одни свадебщики (поезжане) садятся за столъ подкрепиться чем-нибудь, пение продолжают те, которые стоятъ в ожидании своей очереди присесть за столъ. Поютъ они и тогда, когда кормят лошадей]: «**съ пѣснями стоять**, смотря какъ ѣдятъ лошади» (Гавриловъ 1891: 134–135)). «Потомъ опять идутъ въ избу и **совсѣмъ собравшись** выходить на дворъ и **стоятъ тамъ съ пѣснями** до тѣхъ поръ, пока нѣкоторые изъ нихъ вынесутъ вещи и выведутъ молодушку» (Гавриловъ 1891: 135). <...> Въ это время меньшаго дружку привязываютъ къ столбу, гдѣ онъ **поеть**, прося водки: «*вайелэ мыным анданзэ, айгай, анданзэ јуэмэ потэдыр, агай (с: айгай)*», т. е. давайте мнѣ сталь, я хочу пить сталь<...> (здесь младший дружка проситъ угостить его водкой (*андан* ’сталь’), а не чем-нибудь, недостойнымъ его, напр., самогоном)» (Гавриловъ 1891: 135). И т. д.

Здесь отрывочно приведено описание отдельных моментов традиционного свадебного обряда кукморских удмуртов, который длился в течение трех суток, с целью иллюстрации того, что за все это время постоянно звучала песня, исполняемая свадебщиками, прерываясь, пожалуй, лишь во время недолгого сна поезжан и, возможно, во время конных переездов свадебного поезда из одной деревни в другую (т. е. из деревни невесты в населенный пункт жениха). Недаром же в одной из песен, записанных в д. Верхняя Юмья Кукморского р-на Республики Татарстан, сообщается: *с'от кьтай пас'эт кун' арль чидаз, ми но чидалом кун'мойль* (ВЮ 1960-е гг.). 'Обшитая черной китайкой овчинная шуба (твоя) три года носилась, и мы выдержим трое суток'. Так что свадебщики возвращались домой усталые от постоянного топания ногами и охрипшие¹ по причине непрерывного пения, тем не менее крайне довольные оттого, что на их долю выпало счастье быть приглашенным в качестве гостя в состав свадебного поезда.

4. Ритмичное топание ногами в такт пению считалось, по-видимому, неотъемлемым элементом живого исполнения свадебной песни – “**важнымъ дѣломъ**”, ведь не случайно же оно получило отражение в ряде свадебных четверостиший, указывая при этом на то, что этого требует традиция: летом и зимой как (1) внутри избы, так и (2) на улице, (3) да еще выражают сожаление, что порою невозможно шумно стучать, поскольку обуты в сапоги или валенки с мягкими подошвами:

(1) песня, записанная в д. Сизьнер Маритурекского района Республики Мари-Эл:

шар' карын[ы] лыктэм, шар' каром, ай кай,

шар' карын[ы] лыктэм, шар' каром, ай кай,

д'ик карын[ы] лыктэм, д'ик каром, ай кай,

д'ик карын[ы] лыктэм, д'ик каром, ай кай,

айды гинэ мидайдон-айдон.

с'и з'ны р но починка шарт карон дырйа,

с'и з'ны р но починка шарт карон дырйа,

¹ В детстве и юности, будучи на своей малой родине, мне нередко приходилось слышать шуточный вопрос, заданный в отношении охрипших от возможной простудной болезни людей, не потерял(а) ли он(а) голос, гуляя на свадьбе.

*чидалоз мэдам сайга[к]ды(й), ай кай,
чидалоз мэдам сайга[к]ды(й), ай кай,
айды гинэ мидайдон-айдон.*

*’Коль притопывать пришли, будем притопывать, ай кай,
[Коль притопывать пришли, будем притопывать, ай кай,]
Коль пристукивать пришли, будем пристукивать, ай кай,
[Коль пристукивать пришли, будем пристукивать, ай кай,]
айды гинэ мидайдон-айдон.*

*Когда [свадебщики] из [деревни] Сизнер будут притопывать,
[Когда [свадебщики] из [деревни] Сизнер будут притопывать,]
Выдержат ли балки под вашим полом, ай кай,
[Выдержат ли балки под вашим полом, ай кай,]
айды гинэ мидайдон-айдон¹.*

(Нуриева 2004: 140–141)

(2) в песне, записанной в д. Нижняя Ушма Балтасинского района Республики Татарстан, само действие притопа ногами хотя и не называется, однако оно, естественно, подразумевается:

*вил’ күдойэдлис’ гидказэ(й), ай кай, ’Двор нашего нового свата, ай кай,
вил’ күдойэдлис’ гитказэ(й), а, [Двор нашего нового свата, а,]
д’о°вал’эк карыса, ми кэл’тим, ай, В лед утопав, мы оставили, ай,
д’о°вал’эк карыса, ми кэл’тим, ай, [В лед утопав, мы оставили, ай,]
ай дыр гинэ мидайдон-айдон. ай дыр гинэ мидайдон-айдон².*

(Нуриева 2004: 154, 155)

(3) записана там же:

*зи’ карын[ы] лыктэ, зи’ каром, ай гай,
зи’ карын[ы] лыктэ, зи’ каром, ай,
шарк карын[ы] лыктэ, шарк каром, ай,
[шарк карын[ы] лыктэ, шарк каром, ай,]
айдыр гинэ мидайдон-айдон.
зи’ но карысал, ша’ но карысал,
зи’ но карысал, шар’ но карысал,
сапэк уўтонэ н’эбыт уг, ай,
сапэк уўтонэ н’эбыт уг, ай,
айдыр(ы) гинэ мидайдон-айдон.*

¹ В соответствии с содержанием текста перевод песни несколько уточнен мною.

² В перевод внесены некоторые уточнения.

’Коль притопывать приходится, будем притопывать, ай кай,
[Коль притопывать приходится, будем притопывать, ай кай,]
Коль пристукивать приходится, будем пристукивать, ай,
[Коль пристукивать приходится, будем пристукивать, ай,]
айдыр гинэ мидайдон-айдон.

И притопывал(а) бы я, и пристукивал(а) бы я,
[И притопывал(а) бы я, и пристукивал(а) бы я,]
До (о: да) подошва сапог (~ валенок. – В. К.) мягкая, ай,
[До (о: да) подошва сапог (~ валенок. – В. К.) мягкая, ай,]¹
айдыр(ы) гинэ мидайдон-айдон’.

(Нуриева 2004: 160, 162)

5. Кроме того, ритмичное притопывание ногами при исполнении песен на свадьбе казанских удмуртов нашло отражение и в присловии кукморских удмуртов. На вопрос: “Что делает *N*? – имеется три варианта иронично-шуточного ответа, если тот никаким полезным делом не занимается: 1) *макары с’эз’тиз’ суралтэ.* ‘Для Макара толокно размешивает’; 2) *макарль макаронэн шьт пд’с’тэ.* ‘Для Макара с макаронами суп варит’; 3) *с’уан с’амэн д’ък карэ.* ‘Притопывает ногами как на свадьбе’ – при любом ответе собеседнику ясно: ‘*N* баклуши бьет (бездельничает)’.

Как можно заметить, если первые два варианта ответа построены на звуковой игре слов *макарэ?* ‘что делает?’, с одной стороны, и *Макар* и *макарон* ‘макароны’, – с другой, то в третьем – возможно, наиболее раннем – варианте использовано выражение топает ногами как на свадьбе, указывающее на характерное поведение поезжан при исполнении свадебной песни казанских удмуртов, т. е. притопы ногами, которые, однако, абсолютно не уместны в повседневной бытовой жизни.

6. Вместе с предельным упрощением свадебной обрядности казанских удмуртов путем устранения многих ее элементов, приходит в забвение и топание ногами при исполнении свадебных песен, да и сами традиционные мелодии, присущие для данного обряда, редко когда звучат в наше время на свадьбах. И многие из современной молодежи, возможно, едва ли знают, что это за “*важное д’гло*” – “*ыг карон*” (на свадьбе).

¹ Перевод текста уточнен мною. – В. К.

Литература и источники

ВЮ 1960-е гг. – Рукопись четырехстрочных песен, собранных автором данной работы в 1960-е гг. XX века в д. Верхняя Юмья (Тыло) современного Кукморского района Республики Татарстан.

Гавриловъ 1880 – Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены и изложены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.

Гавриловъ 1891 – Гавриловъ Б.Г. Повѣрья, обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго уѣзда, Урясь-Учинскаго прихода // Труды IV археологическаго съѣзда. – Казань, 1891. – С. 80–156.

Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 1995. – Вып. 1. – 232 с.: ил. (Удмуртский фольклор).

Нуриева И.М. Песни завятских удмуртов / УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2004. – Вып. 2. – 332 с.: ил. (Удмуртский фольклор).

Нуриева и др. 2018 – Песни удмуртов Бавлинского района Республики Татарстан / Сост. И.М. Нуриева, А.П. Кузнецова, П.А. Александров; Казан. гос. консерватория. – Казань, 2018. – 124 с.

Словарь лит. терм. 1974 – Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.

Стеблева И.Б. Тюркская поэтика: Этапы развития: VIII–XX вв. / Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 2012. – 200 с.